

Н. Ф. Алефиренко

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Апстракт: У чланку се размајтрају проблеми позајмљивања древних словенизама јужнословенског порекла и њиховог укључивања у лексичко-фразеолошки систем источнословенских језика, разграничавања између њравих старословенизама и „лажних” древних словенизама, као и проблеми узрока који су довели до разлика у стилничком потенцијалу тих лексема и фразеологизама.

Кључне речи: старословенизми, лексички старословенизми, фразеолошки старословенизми, староруски језик, источнословенски језици, руски, украјински, белоруски.

Место и роль старославянизмов (по Н. И. Толстому, древнеславянизмов¹) в лексико-фразеологическом континууме восточнославянских языков — не только традиционный, но и неисчерпаемый предмет славистики (Й. Добровский, А. Х. Востоков, А. А. Шахматов, С. П. Обнорский и др.). Все еще нуждаются в обсуждении вопросы, связанные (а) с путями проникновения старославянизмов в лексико-фразеологическую систему восточнославянских языков, (б) с необходимостью отграничения собственно старославянизмов от сходных с ними образований общеславянского или более позднего происхождения, а также (в) с причинами, обусловившими их разный функциональный статус в лексике и фраземике каждого из восточнославянских языков.

І. Современные восточнославянские языки усваивали старославянские лексические элементы преимущественно через посредство древнерусского языка. Вхождение старославянизмов в общий для всех славян древнерусский язык происходило двумя путями: через летописи, отражающие события главным образом светского характера, и через произведения церковно-религиозного содержания. Это явилось важным фактором обогащения и расширения литературных жанров и стилей общевосточнославянского письменного языка. От-

¹ Толстой Н. И. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука, 1988. С. 48.

сюда старославянская лексика транспонировалась и в „живой” язык восточных славян: рус., укр. *зело*; рус., укр. *перст*; рус. *воедино*, укр. *воедино*; рус., укр. *плоть*, блр. *плоць*; рус. *суета*, укр. *суета* и т. п. Особенностью языка древнейших летописных источников было то, что книжники, обучавшиеся на памятниках старославянской письменности, нередко допускали соединение старославянских (книжных) и разговорных элементов. Ср.: *градъ* — *городъ*, *Цесарьградъ* (им. п.) — *изъ Цесарягорода* (род. п.), *нощь* — *ночь*, *кладезь* — *колодезь*. Ярким свидетельством старославянского влияния на древнерусский письменный язык является употребление адъективного суффикса *-ьск-* (*-ск-*) в старославянской огласовке *-ьст-* (*-ст-*): *вземль Словеньсть, на дворе теремьстьмь, людье хрестьяньстии, князи переславстии*. Такие формы фиксируются, как правило, во всех летописях, в грамотах же и в актах они не обнаруживаются (за исключением нескольких примеров в Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV — XV вв.).

II. В восточнославянских языках старославянизмы определяются по общим фонетическим и грамматическим признакам². Например: рус., укр., блр. *раб*; рус. *вражеский*, укр. *вражий*; рус. *благословить*, укр. *благословити*; ср.: укр. *благий*, но блр. 1. разг. *слабы, кволы; стары, драхлы; трухлявы*; 2. уст. *добры, добрасардэчны, лагодны*; рус. *благо* (нареч.), укр. *благо*, блр. 1. *дабро, шчасце*; 2. *блага, благ* (мн. ч.), *даброты; дары; выгоды*; рус. *всех благ!* укр. *всіх благ!* блр. *усяго найлепшага!* рус. *благодетель*, укр. *благодійник*, блр. 1. уст. *дабрадзея*, 2. *дабрачынец*; рус. *благодеение*, укр. *благодіяння*, блр. уст. *дабрадзеяства*; рус. *благодарный*, укр. *благодарний*, блр. *лагодны; дабрадушны*; рус. *благозвучный*, укр. *благозвучний*, блр. *мілагучны*; рус. *благополучие*, укр. *благополуччя*, блр. *дабрабыт; шчасце*; рус. *благородный*, укр. *благородний*, блр. *высакародны; прыстойны*; рус. *благоразумный*, укр. *благорозумний*, блр. *розважны, разумны, асцярожны*. Заметное место в лексике современных русского и украинского языков занимают слова с префиксами и суффиксами старославянского происхождения типа рус. *возвеличивать*, укр. *возвеличувати*; рус. *соратник*, укр. *соратник*; рус. *воспитатель*, укр. *вихователь* и др. В современных восточнославянских языках подобные старославянизмы служат стилистическими вариантами наряду с общеупотребительными словами. Чаще всего это характерно для поэтической или риторически возвышенной речи, где особую стилистическую нагрузку приобретают такие старославянизмы, как рус., укр. *прах*; рус., укр. *глас*.

Функционально в восточнославянских языках выделяются три типа старославянизмов: а) слова, вошедшие в нейтральный пласт

² См.: Супрун А. Е. *Лексическая типология славянских языков*. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1983. С. 4.

лексики: рус., укр. *вождь*, блр. *правадыр*; рус. *праздник*, укр. *празник*, блр. разг. *свята*; ср.: рус. *праздничный*, укр. *празниковий*, *святковий*, блр. *святочны*; рус. *празднично*, укр. *святково*, блр. *святочна*, *пасвяточнаму*; б) слова, имеющие стилистическую окраску книжности: рус. *истина*, укр. *істина*; рус., укр. *кормчий*; в) слова, имеющие ярко выраженную окраску поэтичности и торжественности: рус, укр. *древо*, блр. в сочетании *радаслоўнае дрэва*; рус., укр. *дщерь* и т.п.

III. Влияние старославянской лексики на словарный состав современных восточнославянских языков не было одинаковым. В современном украинском языке, где традиции старокнижного языка сохранились в меньшей степени, чем в русском, отмечается небольшой удельный вес слов старославянского происхождения. Ср.: рус. *гражданин*, но укр. *громадянин*, блр. *грамадзянін*; рус. *юг*, но укр. *південь*, блр. *поўдзень*; рус. *победитель*, но укр. *переможець*, блр. *пераможца*. Это прослеживается на фонетическом, грамматическом и фразеологическом уровнях. Так, вошедшим в русский язык старославянским по происхождению словам с неполногласными сочетаниями в украинском и белорусском соответствуют исконные восточнославянские формы с полногласием: рус. *враг*, укр. *ворог*, блр. *вораг*; рус. *плен*, укр. *полон*, блр. *палон*; рус. *храбрый*, укр. *хоробрий*; рус. *нрав*, укр. *норов*, блр. *нораў*. Словам с рефлексам **-ра-**, **-ла-** в начале слова перед согласным в безударной позиции в русском и белорусском языках соответствуют в украинском языке слова с исконными **-ро-**, **-ло-**: рус. *расти*, укр. *рости*, блр. *расці*; рус. *разум*, укр., блр. *розум* и т.п.; русским (отчасти и белорусским) словам, имеющим **щ** (из **шт**) соответствуют украинские слова с восточнославянским **ч**: рус. *пещера*, укр. *печера*; рус. *овощи*, укр. *овочі*, блр. уст. *овощ*, *агародніна*, *гародніна*. На словообразовательном уровне старославянское влияние чрезвычайно велико. Во всех восточнославянских языках функционируют слова, несомненным источником для которых выступают старославянские основы и деривационные морфемы. Например: рус. *благоустройство*, укр. *благоустрій*, блр. *добраўпарадкаванне*; рус. *властолюбивый*, укр. *владолубець*, блр. *уладалуб*; рус. *знакомство*, укр. *знайомство*, блр. *знаёмства*; рус. *трудящиеся*, укр. *трудящий*, блр. *працоўны*. Известный ранее в значении „лица, производящего действие”, суффикс **-тель** употребляется в профессионально-технической лексике современного русского языка со значением предметности (*выключатель*, *увеличитель*, *распылитель*), в современных же украинском и белорусском языках он в этом значении не употребляется (укр. *вимикач*, блр. *выключальнік*, укр. *збільшувач*, блр. *павелічальнік*; укр. *розпилювач*, блр. *распыляльнік*). Таким образом, старославянизмами следует считать только те из рассматриваемых здесь слов, которые действительно возникли в недрах старославянского языка, а не образовались позже на почве восточнославянской языковой стихии при

помощи словообразовательных средств старославянского происхождения.

IV. Фразеологические старославянизмы (ФС) восточнославянских языков представляют особый интерес в историко-семасиологическом и функционально-семантическом аспектах.

В историко-семасиологическом аспекте ФС (как средство репрезентации христианского мировосприятия) распределяются по трем группам. 1. Фразеологические старославянизмы византийского происхождения, сохранившие семантико-структурную модель языка-источника. ФС этой группы распространились во многих славянских языках благодаря староболгарским переводам византийской христианской литературы, созданной на греческом и латинском языках. Глубокое проникновение этих ФС в языковое сознание восточных славян обуславливалось их культовым языком — церковнославянским. В силу близости последнего к восточнославянским языкам ФС из Священного писания первоначально входили в речевой обиход без перевода: *ищите* и *обряцете* — „ищите и найдете”, *ничтоже сумняшеся* — „ничуть не сомневаясь” (букв. „ничуть не сомневался”), *глас вопиющего в пустыне* — „призыв, остающийся без всякого ответа”, *притча во языцех* — „предмет всеобщих разговоров, насмешек, пересудов”. Однако большинство ФС подверглось в восточнославянских языках фонетическому и морфологическому освоению. Ср.: рус. *манна небесная*, укр. *манна небесна*, блр. *манна нябесная* — „что-либо крайне важное, желанное, весьма редкое”. Это значение сформировалось в результате ассоциативно-образного обобщения библейского мифа, согласно которому странствующие по пустыне евреи были спасены от голода падающей с неба пищей. В современных восточнославянских языках ФС этой группы могут развивать при помощи постоянного лексического окружения новые фразеологические значения, связанные с переосмыслением библейской истории. Так, в сочетании со словом-сопроводителем *ждать* фразеологизм *манна небесная* приобретает противоположное по смыслу содержание. Ср.: *ждать манны небесной*, *манны с неба* — ирон. „маловероятная помощь, что-либо сомнительное, едва ли осуществимое”. 2. Старославянизмы в составе фразеологии восточнославянских языков, возникшие путем ассоциативно-образной конденсации отдельных фрагментов библейского текста или соответствующего мифа в целом. Например: рус. *петь лазаря*, укр. *співати лазаря*, блр. *пець лазара* — неодобр. „прикидываться несчастным с целью разжалобить кого-либо; жаловаться на свою судьбу; хандрить”. Значения ФС этой группы полностью сформировались на основе того образа, который возник под воздействием соответствующего библейского сказания, как в случае о нищем Лазаре, который согласно евангельской притче лежал в струпьях у ворот богача и рад был питаться крохами

с его стола, ждал подавания (Лука, XVI). Такие ФС обычно подлежат переосмыслению, ведущему ко вторичной фразеологизации. Фразеологизм *петь лазаря*, например, стал употребляться как выражение угрозы в значении „получать по заслугам; быть наказанным”. Ср.: *Служба обязывает меня наказать атамана, и я его накажу, а потом примусь за тех, кого вы мне указали. Они у меня лазаря запоют* (К. Седых). Такие ФС не имеют прототипов в библейских текстах. Однако по характеру связи с библейско-евангельскими источниками их можно подразделить на четыре типа: а) ФС, в основе формирования которых лежат библейские образы: *избиение младенцев*, *Фома неверный (неверующий)*; б) ФС, ингредиентами которых стали слова соответствующего описательного оборота: Ср.: ФС *питаться акридами и диким медом* и фрагмент библейского текста „*Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед*” (Марк, I, 6); в) ФС, образовавшиеся в процессе переосмысления своих свободносинтаксических прототипов: *бить [себя] в грудь* — „каяться”, *умывать руки* — „отказаться от участия в чем-либо; *отрясти (отряхнуть) от (своих) ног прах* кого, чего, чей — „окончательно порвать с кем-либо или чем-либо; г) ФС, возникшие на базе использованных в Библии метафорических словосочетаний: *волк в овечьей шкуре* — „лицемер”; ср.: *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные* (Матф., VII, 15). 3. ФС, содержащие в своем компонентном составе элементы церковнославянской письменности и лексические рудименты из Священного Писания типа *альфа и омега* чего — „основа всего, самое значительное”. Выделенный фразеологизм содержит названия первой и последней букв греческого алфавита, но ее значение отражает смысл всего Апокалипсиса: *Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, который есть и был грядет Вседержитель* (Откровение, I, 8); ср.: рус. *на ять, с азов*, укр. *іжцию прописали кому*, блр. *іжыцу показаць каму*. ФС третьей группы своим возникновением и смыслообразованием обязаны преимущественно ингерентно-образным ассоциациям.

В каждой из трех групп фразеологических старославянизмов прослеживаются специфические черты их семантического и структурно-функционального развития. Уже в древнерусском языке появляется большое количество фразеологических старославянизмов (ФС), которые настолько стали привычными для восточных славян, что даже утратили оттенок книжности: рус. *плоть и кровь*, укр. *плоть і кров*, блр. *плоть і кроў*; рус., укр. *на сон грядущий*. Однако значительная часть ФС сохраняет реликтовые оттенки книжности и архаичности: рус. *терновый венец*, укр. *терновий вінок (вінець)*, рус. *смертный грех*, укр. *смертний гріх*. При этом следует обратить внимание на то, что многие ФС не сохраняют ни лексического, ни грамматического своеобразия языка-источника. Например: рус. *метать*

бісер перед свиньями, укр. *метати бісер перед свинями*, блр. *сытаць бісер (перлы) перад свіннямі*; рус. *всем сердцем*, укр. *усім серцем*. С другой стороны, фразеологизмы, содержащие в своем составе лексические и грамматические признаки старославянского языка, также относятся к сфере активного употребления: рус. *как зеницу ока*, укр. *як зіницю ока*; рус. *глас вопиющего в пустыне*, укр. *глас вопіючого (волаючого) в пустини (пустелі)*; рус. *притча во языцех*, укр. *притча во языцех*. Так же, как и на уровне лексических старославянизмов, фразеологические заимствования из старославянского языка необходимо отграничивать от русских и украинских фразеологизмов, в основе возникновения которых лежат библейские и евангельские образы: рус. *зарыть талант в землю*, укр. *зарити талант (хист) у землю*; рус. *вавилонское столпотворение*; укр. *вавілонське стовпотворіння*. Заимствования такого рода в русском языке шире, чем в белорусском и украинском. В связи с этим „высокие”, книжные ФС русского языка имеют в украинском языке, например, разговорные или стилистически нейтральные соответствия, хотя и сохраняют семантическую общность: рус. *влагать в уста*, укр. *вкладати в уста*; рус. *исторгать слезы*; укр. *викликати сльози*. Некоторые ФС украинского языка, в отличие от русского, утрачивают старославянские фонетические признаки, обретая собственно украинскую огласовку: рус. *денно и ночью*, укр. *день і ніч*. Часть ФС принадлежит только русскому языку — в украинском языке они передаются описательными оборотами, например: рус. *имеющий уши да слышит*, укр. *хто має вуха, хай слухає*.

V. Функционально-семантический анализ старославянизмов в русском, украинском и белорусском языках на современном этапе их развития показывает, что они содержат разное количество лексических единиц древнеболгарского происхождения³. Количественному сопоставлению подвергались равные по объему выборки старославянизмов из трех однотипных словарей: это „Словарь современного русского литературного языка” в 17-ти томах, „Словник української мови” в 11-ти томах и „Глумачальны слоўнік беларускай мовы” в 5-ти томах. Выборкам подлежали только слова, обладающие типичными признаками старославянизмов. Наиболее глубокими оказались расхождения в группах слов с неполногласием в корнях (включая архаизмы типа *врата*, *злато*-): в русском языке они составляют около 2,7%, в украинском 0,3%, а в белорусском — 0,15%. Ср.: рус. *вратарь*, укр. *воротар*, но в блр. 1) *брамнік*, 2) спорт. *варатар*; рус. *безбрежный*, укр. *безбрежний*, *безберегий*; *безкрай*, *безкрайній*, поэт. *неокрай*, блр. *бяскрайні*, *бязмежны*; рус. *младший*, укр. *молодший*. В укра-

³ См.: Русанівський В. М., Німчук В. В. *Співвідношення функцій давньоруської і старослов'янської мов у Київській Русі (XI—XIII ст.)* // IX Міжнародний з'їзд славистів: Слов'янське мовознавство. Київ: Наукова думка, 1983. С. 185.

инском языке нередко параллельно функционируют формы слов с полногласием и неполногласием, различающиеся стилевой принадлежностью: рус. *златоверхий* уст. поэт., укр. *золотоверхий, златоверхий, златоверхий*; рус. *златоглавый* уст. поэт., укр. *золотоголовий, златоглавий, златоглавий*; рус. *здравница*, укр. *оздоровниця, здравниця*; рус. *здравия желаем*, укр., *добротого здоров'я! здорові були (будьте)!* Собственно старославянизмы (с неполногласием в корнях) в украинском языке крайне редки: рус. *бранное поле*, укр. *поле брані; бранне поле*. Еще значительнее различия в русской и украинской лексике с префиксальным неполногласием: в украинском языке русским (и частично белорусским) словам с префиксальным неполногласием соответствуют слова с полногласием приставок или структурно несоответственные образования. Ср.: 1) рус. *преследовать*, укр. *переслідувати, гнобити, гнітити (пригнічувати), докучати (надокучати)*, блр. *праследаваць*; рус. *пресытит*, укр. *переситити*, блр. *перанасыціць* (рус. *пресыщать*, укр. *пересичувати*, блр. *перанасычаць*); рус. *предвестник*, укр. *передвісник*, блр. *прадвеснік*; рус. *предисловие*, укр. *передмова*, блр. *прадмова*; рус. *предместье*, укр. *передмістя*, блр. *прыгарад*; 2) рус. *предчувствие*, укр. *передчуття*, блр. *прадчуванне*; рус. *предпраздничный*, укр. *передсвятковий*, блр. *перадсвяточны*; рус. *предвкушать*, укр. *тішитися наперед*; рус. *предводитель*, укр. *проводир, ватажок*; блр. *важак, правадыр*; рус. *предвестник*, укр. *провісник, віщун*, блр. *прадвеснік*; рус. *предписание*, укр. *наказ, розпорядження*, блр. *загад, указание*; рус. *предрассудок*, укр. *забобон*; 3) рус. *чрезмерный*, укр. *надмірний*, блр. *празмерный, непомерны, залишні*; рус. *чрезвычайный*, укр. *надзвичайний*, блр. *надзвичайны*. Трём приставкам с неполногласием в русском языке **пре-, пред-, чрез-** лишь двум первым имеются в украинском языке соответствия с полногласием *пере-, перед-*; приставке *чрез-* в украинском языке соответствует приставка *над-*. В украинском языке встречается всего несколько слов с неполногласием приставки *пред-*. Ср.: рус. *предтеча*, укр. *предтеча* (уст. торж.), рус. *предъявитель*, укр. *пред'явник*, блр. *прад'яўнік* и др. По признаку неполногласия приставок старославянизмы в русском языке значительно преобладают над таковыми в белорусском и тем более в украинском.

Особый интерес представляет соотношение в русском и украинском языках старославянизмов с аффиксами отвлеченного значения, слова на **-ание, -(е)ние, -тие, -ие, из-(ис-), воз-, во-, со-**. Их рассмотрение осложняется некоторыми проблематичными вопросами. Во-первых, достаточно ли оснований для безоговорочного отнесения таких слов к старославянизмам? Во-вторых, требуют уточнения критерии выявления и сопоставления старославянизмов с суффиксами отвлеченного значения. Традиционно эту лексику относят к церковнославянизмам (А. А. Шахматов, Б. О. Унбегаун и др.). По подсчетам Ф. П. Филина, в современном русском языке таких 14873 слова,

что составляет 11,9% всей лексики. Это на 8% меньше, чем было принято считать. Дело в том, что хотя формальный признак (суффикс, приставка, корень с неполногласием) и является важным критерием выявления слов-старославянизмов, абсолютизировать его нельзя: а) некоторые неполногласные слова не являются генетически старославянизмами (они могут возникать и на русской почве по аналогии с древнеболгарскими формами); б) следует учитывать и то обстоятельство, что суффиксы отвлеченного значения (*-ание, -ение, -ние, -тие, -ие, -ость(-есть), -ство, -знь: жизнь, болезнь*) имелись еще в общеславянском языке⁴; в) имеются также многочисленные образования слов от собственно русских производящих основ при помощи праславянских формантов *-ие* и *-тель*; активизация же этой словообразовательной модели произошла, разумеется, под воздействием церковнославянского языка. На словообразовательную активность отдельных из названных суффиксов русского языка оказало украинское влияние (наряду с белорусским и польским). К таковым относятся прежде всего суффиксы **-ость** (ср.: рус. *возможность*, укр. *можливість, спроможність*, блр. *магчымасць, мажлівасць*; рус. *милость*, укр. *милість, добройність*, блр. *літасць, міласць, ласка*; рус. *обворожительность*, укр. *чарівність*, блр. *чароўнасць, прывабінасць, чарадзейнасць*; рус. *одаренность*, укр. *обдарованість*) и **ств(о)**: рус. *княжество*, укр. *князівство*; рус. *казачество*, укр. *козацтво*, блр. *казацтва*. В современных украинском и белорусском языках, однако, второй суффикс (*-ств-*) менее продуктивен, чем в русском: рус. *сватовство*, укр. *сватання*; рус. *содружество*, укр. *співдружність*, блр. *співдружба*; рус. *творчество*, укр. *творчість*, блр. *творчасць*.

Требуется более осторожного толкования и происхождения суффикса **-тель**: некоторые авторы считают его старославянским, и для этого у них есть все основания. И все же вызывают сомнения слова на *-тель*, обозначающие в русском языке машины и приборы: *истребитель, громкоговоритель, (сено)накопитель*. Вряд ли словообразовательную активность этого суффикса можно объяснить старославянским влиянием. Тем более, что часть слов на *-тель* заимствована русским языком из западославянских языков. Ср.: *обыватель* из польского *obywatel* и чешского *obywaciel*.

В украинском языке русским словам на *-тель* (названия машин и приборов) соответствуют имена существительные с суффиксами **-ач** и **-ець**: рус. *истребитель*, укр. *винищувач*, блр. *знішчальнік*; рус. *(сено)накопитель*, укр. *(сіно)накопичувач*; рус. *громкоговоритель*, укр. *гучномовець*. Не используются в украинском языке и приставки **из-**(**ис-**), **воз-**, **во-**, **со-**: рус. *изгнание*, укр. *вигнання*; рус. *изнемогать*, укр. *знемагати, знесилюватися*, блр. *знемагаць*; рус. *изрекать*, укр.

⁴ См.: *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва: Наука, 1974—1976.

прорікати, промовляти, блр. *прамаўляць, вымаўляць*; рус. *искупить*, укр. *спокутувати*, блр. *скупляць*; рус. *исповедовать*, укр. *сповідувати*; рус. *вознести*, укр. *піднести*, блр. *узнесці*; рус. *возрождение*, укр. *відродження*; рус. *вознаграждение*, укр. *винагородження, винагорода*, блр. *узнагарода*; рус. *воодушевление*, укр. *запалення, захват, піднесення, поривання (порив), натхнення*, блр. *падняцце, узняцце, пад'ём; натхненне, запал; уздым*; рус. *воспевать*, укр. *оспівувати*, блр. *апяваць, услаўляць*; рус. *сосуществование*, укр. *співіснування*, блр. *суіснаванне*; рус. *сострадание*, укр. *співчуття*, блр. *спачуванне, спагада*; рус. *созревать*, укр. *дозрівати*, блр. *выспяваць*; рус. *сократить*, укр. *скоротити*, блр. *зменшыць, знізіць, убавіць, панізіць*. Изредка в украинском и белорусском языках встречается префикс *воз-* и *зо-(со-)*, преимущественно в словах общеславянского происхождения, нередко подвергшихся опрощению: *возвеличить*, ср.: рус. *возвеличить*, блр. *узвялічыць, узвысіць; зосередити*, ср.: рус. *сосредоточить*, блр. *засяродзіць*. Словообразовательной же продуктивностью они в украинском и белорусском языках не обладали, как это наблюдается в русских диалектах и в языке русского фольклора (в русском литературном языке продуктивность производных с приставкой *воз-* также заметно снижается)⁵.

Таким образом, при решении вопроса о влиянии старославянского языка (и церковнославянского в том числе) на формирование восточнославянских литературных языков необходимо а) различать генетические старославянизмы и восточнославянизмы, образованные по аналогии с древнеболгарскими формами; б) применять прием относительной хронологизации с целью распознавания общеславянизмов, черты которых унаследовал не только древнеболгарский, но и другие, в том числе и восточнославянские, языки; в) определять различную степень старославянского влияния на формирование и развитие разных восточнославянских языков.

В конечном же счете степень воздействия старославянского языка на другие славянские языки обнаруживается, в частности, и в степени близости их лексического состава, хотя такая близость прежде всего обусловлена, разумеется их генетическим родством. Так, по данным В. Георгиева⁶, в высшей степени близкими являются болгарский и сербохорватские языки, где общность словарного состава достигает 80—85%; вторая ступень близости обнаруживается между болгарским и русским (около 60% лексического тождества); после русского по близости к словарному составу болгарского языка следует чешский (40—45% тождественных слов) и польский язык (сходство лексики составляет 35—40%). На таком же уровне определя-

⁵ См.: Павленко П. И. *Слова с приставкой воз- в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1973.

⁶ См.: *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов* / За ред. О. С. Мельничука. Київ: Наукова думка, 1966. С. 563.

ется близость болгарского и украинского языков (около 35—40%), еще меньше эта связь у болгарского и белорусского языков (у последнего более тесные связи с русским, украинским, польским, чешским и словацким)⁷.

Итак, различия в степени влияния старославянского языка на формирование русского, украинского и белорусского национальных языков, и, как результат этого, разный удельный вес у них старославянизмов сомнений не вызывает. Теперь о причинах этих различий.

VI. Справедливости ради, следует напомнить, что о подобных различиях роли старославянского языка в судьбе восточнославянских литературных языков писал еще И. И. Срезневский в известной работе „Мысли об истории русского языка и других славянских наречий” (СПб., 1887, с. 76). Другими исследователями роль старославянского языка в формировании русского литературного языка истолковывалась крайне противоречиво. А. А. Шахматов, например, считал его прямым предшественником современного русского литературного языка, его генетической основой, а С. И. Обнорский категорически отрицал какое бы то ни было влияние старославянского языка на формирование норм древнерусского и, следовательно, русского литературного языка. Большинство же современных исследователей справедливо утверждают, что старославянский язык — один из источников формирования русского литературного языка и русской речевой культуры (Ф. П. Филин, Р. М. Цейтлин, Г. Хютль-Ворт, Л. П. Жуковская и др.). Свидетельством тому служит, в частности, возникновение в XII веке церковнославянизированного варианта древнерусского языка. „Между церковнославянским и двумя вариантами древнерусского литературного языка устанавливается функционально-стилистическая взаимозависимость: церковнославянские тексты могут быть отнесены к высокому стилю, древнерусские, содержащие церковнославянские элементы, — к среднему, а собственно древнерусские (преимущественно юридические) — к бытовому”⁸. Таким образом, происходит двустороннее воздействие церковнославянского и древнерусского языков. Церковнославянский язык использовался в жанрах высокого стиля (каноническом, житийском, мемуарном и частично художественно-беллетристическом), церковнославянизированный вариант древнерусского языка — в жанрах среднего стиля (летописи, художественная литература), собственно древнерусский язык обслуживал жанры бытового стиля (деловой, как правило). Все это способствовало нормативному закреплению эле-

⁷ См.: *Историческая типология славянских языков* / Под ред. А. С. Мельничука. Київ: Наукова думка, 1986. С. 197.

⁸ Русанівський В. М. *Джерела розвитку східнослов'янських літературних мов*. Київ: Наукова думка, 1985. С. 19—20.

ментов старославянского языка в русском литературном языке. Окончательное закрепление старославянизмов в русском литературном языке происходило в период второго южнославянского (среднеболгарского) влияния (XV—XVI вв.). Он был вызван, как известно, целым рядом политических, культурно-исторических и религиозных причин (древними связями Киевской Руси с Болгарией и Сербией, захватом Турцией болгарских и сербских земель и, как следствие этих событий, стремлением перенести центр православия в Москву). Кроме этого, второе южнославянское влияние было связано с идеей тырновского патриарха Евфимия о необходимости правки церковных книг, переписанных в разных странах (Болгарии, Сербии, Руси, Румынии) под сильным воздействием родных языков. В итоге одни и те же тексты, переписанные болгарами, сербами, русскими, украинцами и румынами, стали значительно отличаться друг от друга. Второе южнославянское влияние обусловило возникновение в русской литературе (в украинской и белорусской литературах менее заметно) искусственного пышного стиля. Более того, вскоре (во II п. XVI в.) украинская литература, например, освобождается от церковнославянского влияния, а церковнославянский язык подвергается обработке в народном украинском духе. Образцом такой обработки является „Четья-миная” 1489 года, после чего появляются многочисленные переводы церковных книг на так называемый „простой язык” украинцев XVI—XVII вв.

На рубеже XVI—XVII вв. старославянский язык на Украине, по данным П. И. Житецкого, уже не был тем языком, на котором были написаны древнейшие памятники славянской письменности (Остромирово евангелие, например). К этому времени в богослужебных книгах господствовал новый тип старославянского языка, сформировавшийся под стихийным воздействием различных славянских наречий и языков, постоянно вторгающихся в старославянский язык, „словно светлый луч в темное и ветхое строение”⁹. Этому способствовала и литературная деятельность наиболее прогрессивных и авторитетных в ту эпоху писателей и богословов — талантливого полемиста Ивана Вишенского, глубокомыслящего Захария Копыстенского, талантливого богослова Кирилла Транквилиона-Ставровецкого, негибаемого борца за утверждение соборного начала церковной жизни Иова Борецкого, основателя известнейшего в славянском мире учебного заведения при Киево-Печерской лавре (1631 г.) Петра Могилы, названного в его честь Киево-Могилянской коллегией, преобразованной Петром Великим в одноименную академию (1701 г.), прославленного воспитанника этой академии Епифания Славинецкого и многих других. Их главной заслугой была демократизация

⁹ См.: Житецкий П. Г. *Вибрані праці: Филологія*. Київ: Наукова думка, 1987. С. 23.

произведений христианской литературы, приближение ее лучших образцов к общенародному восприятию и пониманию. В результате такой просветительской деятельности многие старославянские тексты были адаптированы к условиям их русского (восточнославянского) использования. Так, Кирилл Транквилион-Ставровецкий в „Зерцале богословия” (1618 г.) сознается читателю, что он вынужден был „второй князь покладати просты(й) языкъ и словен(ь)скій”¹⁰. В деятельности Петра Могилы взаимопроникновение старославянской и народно-разговорной стихии усиливалось еще и политическими соображениями — оградить русское православие от влияния католицизма и, как следствие этого, от неоправданного использования в учебных заведениях латинского и польского языков. В связи с этим старославянский язык, с одной стороны, подвергался восточнославянской редакции, а с другой — поднимался его авторитет путем внедрения старославянских элементов в произведения различных родов и жанров. Лучшим образом эти процессы отражены в проповедях блестящего витии своего времени Лазаря Барановича — первого ректора Киевской коллегии из числа ее воспитанников (1650—1657 гг.), который охотно снабжал свою речь пышными декорациями старославянского языка типа *мечъ духовный*, *трубы словесъ* и т. п. Тесное сплетение двух языковых стихий характерно также для „Синописа”, автором которого вероятно был Иннокентий Гизель, а также для Густинской летописи, написанной уже на церковнославянском языке, т.е. на старославянском языке украинской редакции.

Вот те главные причины, которые, собственно, и обусловили разный удельный вес старославянизмов в современных восточнославянских языках. Следует при этом заметить, что он абсолютной величиной не обладает. Благоприятные культурно-исторические условия развития общества способны стимулировать функциональную значимость старославянизмов.

VII. „Второе дыхание” старославянизмы обретают в восточнославянских языках сегодня. Их нетленная свежесть придает отдельным функциональным стилям (прежде всего газетно-публицистическому и, так называемому, художественно-беллетристическому, или по другой терминологии, языку художественной литературы) особую выразительность, образность и глубокую информативность. Ср. в газете „Известия”: *отверзлись уста народные* — о гласности; *исполнить завет* — о роли русской интеллигенции; *изгнать менял из храма* — о проблемах Ваганьковского кладбища и др.

Примечательно, что воскрешение библейских фразеологизмов в современных восточнославянских языках связано с духовным возрождением русского, украинского и белорусского народов. Обычно они

¹⁰ Цит. по вышеуказанному источнику.

востребуются нами тогда, „когда речь идет о проблемах, затрагивающих интересы человечества, когда необходимо воззвать к сокровенным чувствам человека, его совести и, как правило, этот прием достигает цели, ибо библеизмы отражают народную мудрость и мораль, обладают высокой степенью афористичности”¹¹. Даже утрачивая религиозный смысл, такие старославянизмы (*бразды правления, знамение времени, святая святых* и др.) сохраняют не менее высокое гражданское звучание.

Николај Ф. Алефиренко

СТАРΟΣЛОВЕНИЗМИ У ЛЕКСИЧКО-ФРАЗЕОЛОШКОМ КОНТИНУУМУ ИСТОЧНОСЛОВЕНСКИХ ЈЕЗИКА

Резиме

Постојала су два пута којима је староруски језик примао старословенизме: преко летописа (документа световног садржаја) и путем црквено-религијске писмености. Касније се, као најважнији чинилац обогаћивања и проширивања књижевних жанрова и стилова, старословенизми „уливају” у лексичко-фразеолошки континуум источнословенских језика, где улазе у састав како стилистички неутралне тако и маркиране лексике и фраземике.

У раду се утврђују фонетска и граматичка обележја старословенизама, одређује се степен њиховог учешћа у сваком од та три источнословенска језика. У вези с тим старословенизми се анализирају са а) историјско-семасиолошког и б) функционално-семасиолошког аспекта.

Даљу пажњу истраживача заслужује 1) диференцијација генетских старословенизама и источнословенизама формираних по аналогији са старобугарским облицима, 2) примена релативне хронологизације у поступку разграничавања општесловенизама, старословенизама и источнословенизама, 3) упоредно проучавање улоге и места древних словенизама у историји формирања и развоја сваког од словенских националних језика.

¹¹ Литвиенко А. Н. *К проблеме функционирования библеизмов в языке новейшей публицистики* // Русский язык и литература в общении народов мира. Проблемы функционирования и преподавания: Тезисы докл. и сообщ. Москва, 1990. Т. 1. С. 69.